

Структурный дефект

Финехас Зейдан

Тибет определённо не был таким чарующе-солнечным, каким его рисовали путеводители. Впрочем, в правоту глянцевого, кричаще ярких страниц Финн не верил изначально — а вот Лилу, похоже, яркой красоты как раз-таки ожидала. И теперь Финехас то и дело косится на сестру, любопытствуя: какое впечатление производит усердно разрекламированная аляповатыми брошюрами горная местность? Присутствует ли желание прислать лжецам споры сибирской язвы в бумажном конверте? Или сестра просто предпочтёт обидеться на весь белый свет и праведную месть на этом посчитать совершённой? Второй вариант тревожно отдаёт введением военного положения и временным прекращением любых контактов с внешним миром. Финн по школьным годам помнит, что такой трюк Лилу применяет нечасто, зато уж исполняет идеально. И от её особенно мёртвого молчания крайне быстро начинает хотеться с истошным визгом бензопилы лезть на стены.

— Если бы я был н-бутаном, я бы, пожалуй, уже потихоньку закипал. Температурные условия как раз самые подходящие, — замечает Финехас, в котором полученные в Беркли знания как раз-таки кипят, уже довольно давно, активно, не по делу и временами перекипают через край. — Но поскольку я мирный *homo sapiens*, которому и персональной пробирки для такого буйства не выделили, и просто с температурой кипения не свезло, то булькать я не стану. И ограничусь всего одним вопросом: а точно ли ты уверена, что идёшь в верном направлении, о бесценная моя сестра?

Целеустремленно шагающую впереди Лилу парень придерживает двумя пальцами за край капюшона куртки. Чисто символически: мол, я старший брат, я за тебя отвечаю, мелочь ты эдакая беспокойная, параноидальная, и контролирую тебя, ты это имей в виду, не зазнавайся там слишком сильно. Хотя пока как раз главной на сцене Лилу и является, изъявившая желание ориентироваться на местности сугубо самостоятельно. Ориентируйся на здоровье, родная, кто ж тебе не даёт — поэтому в карту местности Финехас толком и не заглядывал, так разве что, краем глаза, просмотреть наискосок и ничего не запомнить. Финн ограничивается тем, что лениво и приблизительно фиксирует в голове уже пройденный маршрут. На случай, если сестра вдруг осознает, что она таки не имеет понятия, куда идти дальше — чтобы хотя бы к исходной точке маршрута вернуться можно было.

Лилу Зейдан

Лилу склонна книгам верить, и неважно, сборник волшебных сказок это или путеводитель другой страны с голыми фактами. В путеводителе она верит в каждое предложение, каждое слово, а из сказок выбирает что-то, что и правда могло являться реальным. Наказание за алчность и гордыню, например, или награда за благородность и доброту. Всегда же старается брать информацию или с книжек, или у брата, вот и доверяет им безоговорочно.

Тибет же её доверию показал невидимый язык, никоим образом на замечательные картинки из прочитанного путеводителя непохожий, вызывая желание писать разгромные жалобы на тех, кто так отчаянно в книгах врёт. Это же книги, в них должна быть только правда, если факты реальны! Поэтому Лилу, рассерженная и

отвлёкшаяся от карты этой красотой, совершенно не такой, какую ожидала, разворачивается к братцу, чуть не врезаясь затылком в его ладонь, находящуюся у её капюшона, и, заглядывая в глаза, мысленно говорит: - *Как смотришь на то, чтобы устроить войну этим приукрашивателям недоделанным и в ходе войны этой уберечь Тибет от последующего разочарования?*

О том, что лелеять мысль о жалобах будет до последнего, Лилу умалчивает, принимая этот факт за слишком очевидный, чтобы на него энергию тратить. Главное - запастись пастой и бумагой, а с остальным справится, да и помощь у неё рядом совсем. И всегда, причём.

Решив, что с деталями и подготовкой к войне можно договориться и позже, - спешить-то некуда, никто никуда не денется, ни издатели этой отсебятины, ни Финехас, - Лилу снова утыкается носом в карту, сверяя изображённое на ней подобие местности с этой самой местностью вокруг. И опять таки поворачивается к брату, тыкая на предполагаемую точку их местонахождения и поднимая брови вверх, мол, похоже вообще на окружение наше?

За то, поймёт её брат или же, как обычно, нет, Лилу не ручается и ручаться не собирается.

Шири Лю

Так складывались обстоятельства, что Шири применяла свой дар провидения исключительно по случаю. Изредка присматривала за родными, еще реже наблюдала за чьими-то еще судьбами. Более того, она осознала, что предвидение само находит ее, когда нужно. Это могли быть сны или отрывочные видения. Порой прозрачные, как капля воды, но изредка мутные и непонятные, словно грязь под ногами. Эту муть англичанка жутко не любила. Непонятные осколки судеб нервировали ее, внушая, что кому-то могла потребоваться помощь, а она не может сложить мозаику и сделать правильные выводы.

Сегодня был второй, неприятный для нее вариант. Полусон-полуявь, в котором к ней шли две тени. Одна нормальная, а вот вторая странная. Словно что-то ей не хватало. Или наоборот - мешало. Но как не присматривалась Шири, понять не смогла. Хотя, возможно, просто плохо старалась. Одна она знала точно - скоро в монастырь придут двое, и их нужно будет встретить.

Следуя за своими видениями, Шири, малость поспорив с сыном о том, стоит ли тому нарываться на ее гнев и пробовать удрать из дома, или все же посидеть с сестрой, пока она встречает гостей, все же появилась у главных ворот монастыря. Пока двоих из ее снов не было видно, но англичанка чувствовала, что они приближаются.

Финехас Зейдан

— Я всегда знал, что ты у меня страшная пацифистка. Страшнее не бывает, — кивает Финехас, понимая, что шальная мысль про нежно лелеемую сестрой страшную месть была не такой уж и оторванной от истины. Только если самая страшная мстя, на которую способен Финн — это пошлая диверсия по образцу коварного трёхпалого ленивца, то что вызревает в голове у Лилу, можно только отдалённо предполагать, но никак не угадывать наверняка. Вряд ли ограничится неторопливым отращиванием колючек. И Финехас даже подумывает

поинтересоваться у сестры, а какими конкретно методами та планирует производить сенокос неугодных её подростково-максималистскому мировоззрению лжецов, но решает лишний раз за спусковой крючок не тянуть — ну а как предохранитель уже никого не страшует? И ограничивается глубокомысленным, философским почти замечанием: — Всех не перебьёшь.

А про разочарование, это вообще отдельная псевдофилософская телега, которую лучше лишний раз не трогать. Перевернётся и раздавит. Хотя спросить, кто на ком стоит и кто в ком разочаруется, подмывает. Тибет полностью утратит веру в наивных людей? Так давно бы уже утратил, если б мог. Вон, сколько туристов бегают, розовощёких и радостно лопухих — прелесть. Залюбуешься.

На вопросительный жест сестры Финн сперва пытается не реагировать, прикинувшись бестолковым запечным валенком — мол, нет-нет, географ давно уже всё пропил, и не только глобус, а и компас, и даже последний азимут, даже не подсовывайте ему эту вашу цветистую витиеватую топографию. И вообще, кто взялся быть профессором Челленджером и лордом Рокстоном, двуедиными в одном девичьем лице? Вот и нечего на соседнюю голову переваливать. Но когда Лилу, бросая вызов мыслимой и немыслимой мимике, вздирает брови едва ли не к линии волос, продолжать притворяться слепошарой табуреткой становится проблематично. И парень нехотя принимает из рук сестры карту, сопровождая это действие не слишком обнадеживающим комментарием: "Ну, давай ща глянем, что ли..."

Первое, что делает Финн, заполучив карту в руки — ориентирует типографское изделие головой на север при помощи хандрящего компаса. Прибор с бунтующей стрелкой Финехас обычно с собой таскал на всяческие соревнования по спортивному ориентированию, выбранные парнем в университете, как вариант вроде спортивный и общественно активный, но при этом наименее тухлый из возможных. Вынес с этих соревнований Финн два умения, ни одно из которых претендовать на звание лихого следопыта не позволяло: ориентировать карту и "паровозить" по чужим следам до нужных контрольных точек. Второе умение в горах Тибета ни к чему, "упасть на хвост" здесь откровенно некому, а вот с первой возможности Финехас ходит, как с козыря. Отыскивает на карте точку деревни и озадаченно щурится, пытаюсь разобрать в условных обозначениях дороги-повороты, по которым они с Лилу уже прошли. Добавляет поправку на успешно найденный север, обводит пальцем небольшой участок карты и пожимает плечами, возвращая сестре лукавое типографское издание: — Ну, вроде как мы должны быть где-то здесь. Но ты же помнишь, чудовище, что я учился по другой специальности и истину в последней инстанции сейчас изрекать не обязан?

Лилу Зейдан

Лилу на философское замечание Финехаса о том, что истинной победительницей с назревавшей войны она не уйдёт, только пожимает плечами, мол, а мне все и не нужны, парочку хотя б завалить, и весь месяц, а может, всю зиму буду счастлива, или когда мы вообще там победим. На самом-то деле, главное - не проиграть позорно в письменной войне, а всё остальное - уже радость, если на место всех поставит.

Нынешняя задача - не отложить эту затею на лучшие времена, а то потом так и будет откладываться, ещё и забудется, обитая в дальних уголках памяти, пока в руки снова не попадёт путеводитель. А к тому времени уже, может быть, желание

поугаснет. И лжецы-приукрашиватели так и окажутся безнаказанными, что не есть хорошо.

Точка их местонахождения, насколько можно было доверять Финну, - а ему можно было доверять на все сто, а может, сто тридцать четыре процента, и пофиг, что он прибудняется, - находилась чуть-чуть дальше, чем там, где предполагала сама Лилу. Или Финехас и правда что-то напутал, добавив к пути лишние метры-километры, или Лилу умудрилась как-то сбиться на карте, когда сверяла обстановку с нарисованной.

Но, скорее всего, второе, так как скоро уже начали на горизонте обрисовываться главные ворота храма, и путь полностью совпадал с путём от точки, предложенной Финном, по которой Лилу и ориентировалась, привыкнув в некоторых делах доверять мнению брата больше, чем своему. Больше её знает, как никак, в мире этом сложном.

Вместе с воротами стала по приближению обрисовываться и женщина, стоявшая у них и ожидающая семейку. О том, что ожидает она именно Зейданов, Лилу решает в пути логической цепочки, которую иногда всё же надо было составлять у себя в голове, чтоб не заржавела напрочь и не отвалилась окончательно. Зачем ещё-то там стоять, когда рядом никого нет?

Шири Лю

Вскоре на горизонте появились путники. Парень и девушка. Две тени из снов. С виду нормальные, милые, красивые. Почему же Шири привиделось, что одна из теней неправильная? Что не так? Время покажет. Сейчас нужно было встретить путников, задав им традиционные вопросы. Рассказать по возможности о монастыре, проводить в комнаты. Если, конечно, ребята решат остаться здесь надолго.

- Здравствуйте, добро пожаловать в Линь Ян Шо. Меня зовут Шири Лю, я одна из жительниц монастыря. А кто вы, и откуда лежит ваш путь? - обычное, стандартное начало, за которым может последовать интересный разговор. Или же не менее интересный показ возможностей, такое тоже случалось.

Все по-разному были осведомлены о Линь Ян Шо. Кто-то искренне считал, что это обычный монастырь в горах, в котором живут чудаковатые люди. Некоторые люди шли сюда по зову сердца, смутно ощущая правильность решения. И еще меньшее количество четко понимало, что место это окутано магией. Шири было интересно, к какому типу путников относились эти ребята.

Финехас Зейдан

На неожиданно индифферентно пожимающую плечами Лилу Финехас косится с недюжинным подозрением — мол, что это ты, чудесо, такое инквизиторски хищное задумала и как в этот дьявольский замысел ты планируешь вплести меня? Если бы сестра взялась гневно топтать ногами и яростно доказывать необходимость карательной операции, можно было бы не волноваться. Выпустила бы пар, перебесилась да и успокоилась бы. А вот это движение плеч вкупе с подозрительно ровной линией бровей... ждите беды. До издателей злосчастного путеводителя Лилу, конечно, не доберётся, но вот какую-нибудь эпическую глупость сотворит

почти наверняка.

И к тому же, судя по гордому молчанию сестры, вполне себе логичное замечание Финна Лилу никак не оценила. Пренебрегла полезной информацией. А зря, между прочим. Брат ей сказал чистую правду — задолбаешься за всеми подряд с дробовиком бегать. Там же палить не перепалить. И остаток пути до ворот так и проходит в молчании. А у ворот то ли дозорный стоит, то ли просто чуткий встречающий— Финехас в таких тонкостях особенно не разбирается, хоть это, пожалуй, и позорно достаточно. Встречают — и точка, большего в текущей реальности не требуется.

— Здравствуйте, — эхом отзывается Финн, разглядывая женщину внимательно и не вполне скромно, с любопытством наполоам с настороженностью. И на всякий случай сгребает сестру в охапку, крепко прижимает к себе одной рукой, чтобы любопытное чудесо не рвануло в неведомые дали раньше времени. Отпустить сестрёнку в вольное плавание оказывается тотально тяжелее, чем предполагалось раньше. Пытаясь хоть как-то сгладить свою с места в карьер продемонстрированную угловатую настороженность, Финехас поднимает углы губ в натянутой улыбке. И с претензией на бодрый и дружелюбный тон сообщает: — Это Лилу. Вот это крохотное чудесо. И она к вам ужасно рвётся. Несовершеннолетних девушек на жительство принимаете?

Лилу Зейдан

Лилу никуда рваться не собирается, уверенная в том, что просто-напросто замечается и потеряется в этих просторах, как его назвала так называемая Шири, Линь Ян Шо. Теряться в незнакомых местах у неё получается отменно, ибо сосредоточенность совершенно отсутствует, и в голове порхают бабочки - что им в животе-то делать?

Вот с картой да, с картой можно сосредотачиваться сколько влезет, особенно, когда застрахована рядом идущим братом, у которого в глазах почти что фотографиями всё сохраняется, листай себе спокойно, высматривай нужную и похожую.

Лилу совершенно не собирается куда-то в одиночку упархивать, а поэтому не видит в том, что её прижимают к себе и не дают ступить хотя бы два-три шага в сторону, необходимости. И наступает пяткой на ногу брата, чтобы чуть-чуть воли дал в движении, а то ни вдохнуть, ни выдохнуть - на самом деле и вдохнуть, и выдохнуть, но кому это сейчас надо, если весомость беды важнее?

На слова брата Лилу усердно кивает, мол, правду говорит он, верьте, верьте и ещё раз верьте, я то самое "чудесо" и так отчаянно рвусь, примите меня, а Финн за компанию принят должен быть. Заметив отсутствие второй части, которая должна рассказывать о её спутнике и брате в одном таком симпатичном вполне лице, Лилу вдавливаясь пяткой в его ступню сильнее и подумывает о том, что неплохо было бы ещё и второй ногой наступить, чтобы весомее было ощущение у Финна, что он что-то неправильно сделал. Чувствуя недостаток понятности в своих действиях, Лилу задирает голову, буравит брата взглядом и спрашивает: - *А про себя как же?*

Самой представить своего непутёвого брата с помощью мысленных потуг Лилу не хочется. Это же сродне кощунству в полной мере - при первой же встрече в голову лезть к кому-то, ещё и не зная, услышат ли, поймут, растолкуют? Боязно как-то. Это

тебе не разгромные письма в издательство путеводителей писать.

Шири Лю

Оригинальное приветствие. Шири умело скрыла удивление, и лишь внимательнее осмотрела путников. Почему-то говорил только парень, и только о юной девушке. Ну ладно бы просто не дал ей слова сказать, такое англичанка и раньше видела. Скромность, воспитание, традиции - тут могло быть все, что угодно. Но почему он не представился сам? Как-то не слишком вежливо. Однако Шири не любила делать преждевременных выводов. В конце концов долгая дорога могла вымотать обоих, потому и девушка не нашла в себе сил что-либо сказать, и парень растерялся и выдал далеко не все, о чем мог бы рассказать.

- Я очень рада, Лилу, - Шири перевела взгляд на молчунью и улыбнулась. - Да, мы принимаем и несовершеннолетних девушек, и молодых людей, которые забывают представиться.

Взгляд ее посерьезнел и похолодел. Женщина посмотрела на юношу уже более строго, ожидая его ответа. Он не казался ей каким-то злым или подозрительным. Уж больно тепло и мило представил он Лилу. Однако прежде чем вести ребят в столовую или в комнаты, хотелось бы узнать о них немного больше.

Финехас Зейдан

Вести себя так, чтобы нужды в грозных намеках не возникало, Финехас, к сожалению, не умеет. Зато быстро и четко улавливает, когда нужно спешно исправлять ошибки, пока не накосячил еще больше. А сейчас уж не уловить момент сложно - напротив, впору даже падать как подкошенному, угодив под сдвоенную очередь выразительных намеков. Пока Шири работает при помощи воспитательно сурового взгляда и косвенно, но правдиво обзывает Финна невоспитанным сундуком, Лилу тоже времени даром не теряет и старательно оттаптывает парню ногу. Парень старательно ловит взгляд сестры, чтобы узнать, чего ей такого срочного понадобилось и для каких целей требуется рупор - а у самого в голове нехоти вертятся анекдоты про физические величины, ньютон на метр квадратный и огромные лапищи вместо нормальных ног.

Как выясняется, Лилу беспокоится ровно о том же - что Финехас, как распоследний дикарь, самого себя взял и не представил. Финн успокаивает сестру коротким "сделаю" - точнее, пытается успокоить. Потому как вечно непонятно, на какую реплику Лилу как отреагирует и каких формулировок стоит избегать. Порой и внешне безобидные общие места на деле оказываются прямым попаданием в заминированный участок.

- Простите, - покаянно склоняет голову Финехас, еще пару лет назад усвоивший эту терпеливую подстраховочную модель: даже если ты не виноват, все равно лучше извиниться, чем качать права. - Меня зовут Финн. Я тут вот... сестру провожаю, - а тут зона уже совершенно точно взрывоопасная. Лилу-то всю дорогу, насколько Финехас понял, свято веровала, что и брат с ней обживать монастырь останется, а парень все никак не собрался с духом, чтобы сестру разочаровать. Поэтому приходится плохими новостями размахивать, как ни печально, на прощание.

Лилу Зейдан

Лилу отвечает Шири кивком, мол, мне тоже очень приятно и прочее по списку, ничего из этого в кивке, как обычно, не передавая. Насчёт Финна девушка полностью соглашается, и на это кивая, но на то, что её оригинальности и неповторимости лишили, сказав то же самое, мысленно возмущается - тут даже плюсы в немоте есть, не сказать что-то случайно в порывах, скажем, возмущения, не за что получать укоряющих и суровых взглядов, как сейчас вот получает Финехас, хотя он провинился именно в недостатке, лишнего не сказал и не лишнего не сказал тоже.

На последнее заявлении Финна, что он как бы никуда с ней не пойдёт и, видимо, не собирался даже, и что Лилу тут одна-одинёшенька останется, разговаривать не умеющая и не совсем хорошо и быстро пишущая на китайском, девушка реагирует вполне спокойно, с совсем нескрываемым недоверием и сомнением, признавать это заявление за правду не собираясь совершенно. На вторую ногу брата Лилу всё же встаёт, носками ботинок о землю опираясь уверенно, чтобы не полететь вперёд от недостатка равновесия, благо в помощь идёт всё так же прижимающая её к брату рука Финна. Вдавливается парню в ноги Лилу с каким-то тягучим удовольствием хулигана, который на яблоке покрутиться ещё успевает, ощущая, как оно плющится в землю. Ноги Финна, конечно, не яблоки, их не сплющишь и не надо этого, но ступнёй одной крутить, чтобы вдавиться посильнее, это какое-то мстительное за такую чепуху дело, важное до одури.

Лилу хочется спросить у Финна, не заболел ли он случаем, и положить ему для трагичности-комичности руку на лоб, но это кажется таким банальным, а коверкать или придумывать своё как-то не получается, из-за чего Лилу просто спрашивает, снова задрав голову: - Ты чего это говоришь-то? Я тут одна не выживу, хотя бы пока не освоюсь, ни с кем толком не знакома, писать таким же толком не умеющая особо, вообще сгину тут. - Не зная, что сказать, Лилу пуляется голыми фактами, преувеличивая трагичность, мол, правда, что ли, бросишь сестру свою дорогую здесь погибать, а, Финн?

Шири Лю

- Очень приятно, Финн, - Шири немного смягчилась, внимательно наблюдая за странноватой парочкой. Почему же девчушка молчит? Такой возраст, когда хочется спорить, ругаться и балаболить без конца. К тому же юноша явно ляпнул что-то не то, иначе зачем Лилу так смотреть на него? Да и потоптаться на ногах парня - не совсем нормальный поступок. Англичанка внутренне усмехается, мгновенно чувствуя ответ. Именно так - чувствуя, а не замечая. Ничего то обычный человек бы не заметил, разве что путем логических измышлений достиг бы какого-нибудь ответа. И то, необязательно, что верного.

Синяя энергия, чужая, но тем не менее знакомая, колеблется, создает определенный фон - Лилу явно умеет говорить на мыслеречи. Шири чувствует это, и ищет взглядом глаза девушки. Пока не находит, та слишком озабочена разговором с Финном. Ну да это и не обязательно, в конце концов, не ее это дело - внутренние разборки в этом маленьком социуме. Который, судя по фразе молодого человека, близок к расколу. Пусть решают сами, а не получится, она постарается помочь.

- Я предлагаю не стоять тут, а пройти в столовую. Наверняка вы проголодались с

дороги. Там и поговорим о том, кто кого и куда провожает, - Шири улыбнулась и указала рукой направление к столовой. Пошла первой, не оглядываясь и давая возможность брату и сестре еще немного пообщаться. Глядишь, и сами разрешат свой явный спор.

Финехас Зейдан

Чудесо, еще немного таких плясок на чужих ступнях - и отыщешь Паскаля. Ньютона на квадратный метр.

- Вот лишишь ты меня сейчас ног. Оставишь инвалидом. А дальше что? - ласково интересуется Финн у сестры, сам, впрочем, не особенно веря в озвучиваемый расклад. - Какие у тебя планы на грядущую жизнь в таком разрезе? А, гениальная моя?

У Лилу, похоже, план один: оскорбившись, оттоптать старшему брату ноги до полной непригодности конечностей, девушка знай себе усердно топчется у Финехаса на ногах. Ну что ж, не сказать, что такой план смысла лишен абсолютно - на оттоптанных ногах действительно далеко не уйдешь, то задержаться придется.

- Хорошо. Прекрати вбивать меня в землю. Пока не уйду, - сдается Финн достаточно быстро, но пытается как можно выразительнее подчеркнуть голосом слово *пока*. Мол, проблемы проблемами и страдания страданиями, но тут некоторые края реальности друг с другом не стыкуются и белыми нитками не сшиваются. Сразу на двух краях продолжать сидеть не получится, тем более что они расходятся и усердно лезут в разные стороны. И мне вообще по идее бы на другой край - но если ты, чудесо, так хочешь, то давай временно попробую на этом краю посидеть. До определенного момента не облезу. - Прекращай, говорю, порчей чужих конечностей заниматься! Ты внутри в конечном итоге идешь или нет?

Лилу Зейдан

- *Ног ты не лишишься, это уж точно, даже если я на них прыгать буду*, - уверенно заявляет Лилу, даже не подумав, что она себя, может быть, недооценивает. В крайнем случае, больницы тут, какие-никакие, должны же быть, а то невозможно, чтобы никто о тумбочку головой не шарахался ни разу - хотя о тумбочку, может быть, и не шарахался, да, Лилу спорить не будет, но на что-то другое красиво и не очень налететь коленкой вполне можно, даже не надо план составлять, просто споткнулся - и готово.

Но свою догадку про больницы-лечебницы-лазареты-как-ещё-это-можно-обозвать девушка брату, впрочем, не рассказывает - ага, расскажет она ему, и, если у Финна и правда будут оттоптаны ноги, всё своё время Финехас там и просидит, а потом, когда исцелят, ретируется к себе обратно в Калифорнию, и плакал ещё не придуманный по задержанию брата здесь план, который должен скоро появиться.

С чужих ног Лилу так сходит на более надёжную опору, по мольбам и просьбам старшего брата, на это его подчёркнутое "пока" внимание особо не концентрируя - будет "пока", потом "ещё", а дальше поездка отложится на "завтра", которого, по сути, не существует и вовсе - факт о том, что "завтра" не существует только в случае Лилу, а у брата оно очень даже часто наступает, девушка умудряется затоптать не хуже, чем ноги Финна, и не принять в расчёт - что, впрочем, очень даже зря, наверное.

За Шири, уже довольно далеко ушедшей, Лилу потащилась, крепко вцепившись в руку брата, - а то вдруг откажется вообще куда-то заходить или идти - но не настолько, чтобы ему эту руку оттяпать - Лилу вообще очень даже милая девушка, какое там насилие и принесения вреда.

Аппетит и голод, впрочем, девушке заявление Финна отбило напрочь. То, что перед кем-то отдавить ноги брату - невежливо, некрасиво и незтично, в голову, кстати, так и не пришло.
